

Содержание

<i>Высшая ценность</i>	5
1. Последние дни.....	7
2. «Изгиб земли»	15
3. Поверить бомбой все, что есть у армии.....	29
4. «Татьянин» день	39
5. Пепел братьев наших меньших.....	57
6. Маленькая шпионская глава	69
7. След облака.....	77
8. Жизнь «после атома».....	89
9. Диагноз: радиофобия.....	107
10. 26 054-й год	115
11. Надежда умирает последней.....	125
12. На деревню Ельцину, Клинтону, Кофи Аннану.....	133
13. Плутоний в борозде, мутация в клетках	141
14. На круги своя?.....	149
15. Тоцкий взрыв за круглым столом	157
<i>Приложение</i>	177
<i>Литература</i>	185

Высшая ценность

.....

Когда в 1989-м, в год 35-летия Топких атомных учений, я начинал работать над газетной статьей и уже тогда, сразу же, родилось это название — «Репетиция апокалипсиса», то и подумать не мог, что спустя полтора десятка лет объем накопленного материала потребует написания целой книги.

Книги о том, как в наших оренбургских степях не просто взорвали ядерный заряд в ходе масштабных войсковых учений с участием 45 000 солдат и офицеров, но этим взрывом поставили точку в разговорах об атомном превосходстве США над СССР.

Книги о подвиге наших военнослужащих, преодолевших чудовищное, прежде всего устрашающее моральное давление всех факторов сверхоружия и доказавших себе, всему миру, что нас победить нельзя. Даже пытаться не стоит.

Книги о простых людях, моих земляках, своими жизнями и здоровьем заплативших за то, что наша страна не подверглась атомной атаке противника, хотя планов такой атаки разрабатывалось множество. Уверен, существуют они и сейчас.

Тем острее встает вопрос: разве не заслужили оренбуржцы отдельного внимания власти в том, что касается сохранения их здоровья? Разве так уж трудно проводить

хотя бы раз в год профилактический медосмотр тех, кто живет в зоне Тоцкого радиоактивного атомного следа? Разве нельзя обследовать территорию этого следа там, где люди живут, пасут скот, растят урожай, на предмет заражения радиацией? Скольким такие простые меры могли бы продлить жизнь!

35 лет занимаюсь темой Тоцких атомных учений, которым 14 сентября 2024 года исполняется уже семь десятилетий. Большинство «атомных солдат» уже нет на свете, на моих глазах уходят из жизни свидетели страшного взрыва из числа наших земляков. Но остаются на нашей помеченной ураном и плутонием земле их дети, внуки, правнуки. Давайте подумаем о них и сделаем все возможное, чтобы сохранить их здоровье. Ведь полураспад оружейного плутония, наряду с ураном содержавшегося в заряде «нашей» бомбы, закончится только в 26 054 году!

Человек, его права и свободы признаны высшей ценностью в первых строках Конституции России. На самом высоком государственном уровне заговорили у нас в последние годы о сбережении народа, сбережении человека. Так давайте же наконец беречь народ, беречь каждого нашего человека — высшую ценность страны и, хочется верить, государства. Начнем прямо сейчас?

Вячеслав Моисеев

2024 год

Последние дни

Сообщение ТАСС

В соответствии с планом научно-исследовательских работ, в последние дни в Советском Союзе проведено испытание одного из видов атомного оружия. Целью испытания было изучение действия атомного взрыва.

При испытании получены ценные результаты, которые помогут советским ученым и инженерам успешно решать задачи по защите от атомного нападения.

Газета «Правда», 17 сентября 1954 года

.....

Это все, что семь десятилетий назад было позволено узнать гражданам СССР о событии, произошедшем 14 сентября 1954 года на военном полигоне в тринадцати километрах севернее районного центра Тоцкое Чкаловской области, на полпути между Куйбышевом (Самарой) и Чкаловом (с 1957 года — вновь Оренбургом), примерно в двухстах километрах от одного и от другого города.

Но оренбуржцы, особенно жители западных районов области, практически со дня взрыва, пусть не из официальных сообщений с фактами и цифрами, кто лично,

а кто из устных рассказов-свидетельств, знали, что же именно случилось на Тоцком полигоне в то по-летнему солнечное и жаркое утро. Да, атомные учения хоть и считались великой советской тайной, но за годы, когда трепаться о делах государственных было не принято (потому, в первую очередь, что небезопасно), превратились для нас, оренбуржцев, в некое предание, которое узнавал каждый с самого детства — от тех, кто видел ядерный взрыв своими глазами, или от тех, кто очевидцев учений знал лично. И это неудивительно: шила в мешке не утаишь, солнца рукой не закроешь, атомный гриб в сейф не засунешь.

Мы жили много лет с осознанием причастности к жуткой тайне, а когда в перестроечные годы дверца секретного сейфа слегка приоткрылась и мы увидели, что именно составляло этот наш секрет, то поняли: жить с этим ужасом придется не только нам, но и внукам нашим, и правнукам, и праправнукам... Ибо продлится наша атомная история без малого двадцать пять тысячелетий. Но об этом немного позже.

Итак, каждый житель Оренбургской области уже совершенно точно знает: 14 сентября 1954 года на Тоцком полигоне в ходе войсковых учений была взорвана атомная бомба мощностью около 40 килотонн в тротиловом эквиваленте. Она примерно в два раза превосходила своей разрушительной силой каждую из тех бомб, что американцы в августе 1945-го сбросили на Хиросиму и Нагасаки.

Советский Союз свою первую атомную бомбу испытал только в 1949-м. Нельзя не признать, что четыре года для создания атомного оружия практически с нуля — срок рекордно короткий. И одним только страхом наших ученых-

атомщиков во главе с Игорем Васильевичем Курчатовым перед Сталиным и Берией такой рывок не объяснить. Просто ученые не хуже руководителей КПСС и Советского государства понимали, что рано или поздно США, недавний наш союзник по антигитлеровской коалиции, применит свою новенькую и такую соблазнительную «ядерную дубинку». И после Хиросимы и Нагасаки она может обрушиться на Москву, Ленинград, Киев, Минск, Свердловск, Куйбышев...

Поэтому в стране, только что пережившей самую кровавую и разрушительную войну в истории человечества, которая отняла жизни у 26 миллионов советских людей и лишила СССР, по некоторым оценкам, до половины экономического потенциала, не пожалели сил и средств на создание ядерного щита. Люди порой на коровах пахали, сами в плуг впрягались, но понимали: Родину защищать необходимо.

К тому же данные, поступавшие от наших разведчиков, действовавших в Соединенных Штатах, подтверждали наихудшие опасения. «В 1954 году стратегическая авиация США имела на вооружении более 700 атомных бомб, — пишут авторы первого тома четырехтомного издания «Ядерные испытания СССР». — США провели 45 ядерных испытаний, включая две ядерных бомбардировки японских городов Хиросимы и Нагасаки. Вопросы применения атомного оружия и защиты от него были широко проверены не только на полигонах, но и на войсковых учениях армии США. К этому времени в СССР было проведено только восемь испытаний атомного оружия. Изучены результаты атомной бомбардировки авиацией США япон-

ских городов Хиросимы и Нагасаки в 1945 году. Характер и масштабы поражающего действия этого грозного оружия были достаточно известны. Это позволило разработать первые инструкции по вопросам ведения боевых действий в условиях применения атомного оружия и способам защиты войск от поражающего действия атомных взрывов. С точки зрения современных представлений, изложенные в них рекомендации во многом верны и сегодня».

К 1954 году советскому руководству стал известен план американского правительства (и это был не единственный подобный план) под названием «Дропшот», согласно которому в одну из новогодних ночей на 100 советских городов предполагалось сбросить 300 атомных бомб. Примерно 65 миллионов наших соотечественников при этом попрощались бы не только со старым годом, но и с собственными жизнями. Естественно, ответ СССР не заставил бы себя ждать, и спустя несколько часов уже Америка могла заполыхать ядерным костром.

Земле грозил апокалипсис — так называли конец света евангелист Иоанн Богослов, апостол Петр и другие первохристианские писатели, считавшие, что миру, погрязшему во грехе, существовать осталось недолго. Спасутся лишь истинно верующие. В 1950-е годы от Рождества Христова очень и очень многие вполне соглашались с апокалиптиками, только спасения не чаял никто.

14 сентября 1954 года в Оренбургской области состоялась генеральная репетиция апокалипсиса.

Чаще всего оренбуржцы, знакомясь с подробностями проведения атомных учений под Тоцким, задают два вопроса: «зачем это было нужно?» и «почему именно

у нас?». Конечно, многим (особенно тем, чье мировоззрение формировалось в перестроечные и постперестроечные времена) сейчас трудно представить атмосферу, в которой готовились учения 54-го: разгар холодной войны, только что окончилась «горячая» война в Корее, где СССР и Америка, пусть и не афишируя этого, впервые столкнулись на поле боя, в марте 1953-го умер Сталин, до разоблачения его культа личности Хрущевым на XX съезде КПСС еще два года, а до подписания договора с США и Великобританией о запрещении испытаний ядерного оружия — девять лет, ознаменовавшихся Карибским кризисом, который поставил мир на грань ядерной войны. Советский Союз и Соединенные Штаты (еще в 1949-м создавшие блок НАТО) — враги более, чем когда бы то ни было раньше.

Словом, СССР, догоняя США, активно готовился к ядерной войне, вынужден был готовиться. Поэтому ученым и армии было необходимо выработать методики защиты войск и населения от смертоносного оружия. В 1951 году в нашей стране прошли штабные учения с имитацией применения ядерной бомбы. Американцы с 1951 по 1956 год провели восемь войсковых учений с применением атомного оружия.

Иное дело, что никто и никогда до 1954 года не взрывал атомный заряд в густонаселенном районе. А ведь только так мы можем назвать ту местность, где находится небольшой по размерам Тощкий полигон (примерно десять на десять километров). Посудите сами: он расположен всего в сорока километрах от Бузулука и в тридцати от Сорочинска, окружен поселками и селами, до ближайшего из которых,

Маховки, всего четыре километра. Маховка и сгорела почти вся в атомном пламени 14 сентября...

То есть зачем были нужны такие учения, понятно. Но до сих пор вызывает самые черные подозрения вопрос второй: почему их провели именно в Оренбургской области, причем в ее наиболее населенной западной части? Попробуем ответить на этот вопрос.

.....

Сопротивление материала

Родившись спустя восемь лет после Тоцких учений, я не мог, конечно, даже предположить, когда, еще не умея читать, с увлечением раскрашивал цветными карандашами брошюру «Воениздата» о поражающих факторах атомного оружия, что эта книжка с картинками, хранившаяся у нас дома в селе Родничном Переволочского района, написана на основе сведений, полученных во время учений 1954 года. И уж, разумеется, не ведал, что всего-то в сотне километров западнее нашей деревни взорвали атомную бомбу.

Естественно, позже я узнал от родителей о Тоцком взрыве. Но именно первые подробности об атомных учениях услышал от полковника Николая Ивановича Пастухова, учителя начальной военной подготовки (НВП) моей школы №39 Оренбурга. В 1979 году он рассказывал нам, десятиклассникам, что в 54-м, когда был еще молодым офицером, его подразделению накануне 14 сентября поставили задачу выдвинуться к месту эпицентра и занять позицию в нескольких

километрах от него. После взрыва, надев средства защиты, наш будущий учитель вместе с другими солдатами и офицерами проследовал через зараженную радиацией местность.

Подробности о расплавленных в алюминиевые лужи самолетах, умирающих от сильнейших ожогов и сверхдоз радиации животных, спекшейся в стеклянную корку земле в эпицентре, рассказ о защитных комплектах, снимаемых с большими предосторожностями после марша через зараженную зону, о дезактивации техники и обязательной бане для личного состава, о выданной всем участникам учений новой форме убеждали, что в тот день, казавшийся нам, семнадцатилетним, таким далеким, для всех, кто прикоснулся к страшной тайне, началась новая эра. Более опасная и беспощадная. Более жестокая и бесчеловечная. А главное — более безнадёжная.

Спустя пару лет в Оренбургском педагогическом институте другой отставной полковник преподавал нам способы защиты от ядерного поражения. Приносил наглядные пособия. Больше всего меня потрясла антирадиационная колыбелька для новорожденного — переносная, защитного цвета, со специальным сетчатым пологом, будто бы даже задерживающим радиоактивные частицы. Надолго ли она смогла бы уберечь ребенка?..

А нашего учителя НВП Николая Ивановича к тому времени уже не было на свете. Говорят, скончался от рака. То, о чем он рассказывал нам, уже не составляло военной тайны — как раз в 1979-м, когда мы оканчивали деся-

тый класс, прошло двадцать пять лет, в течение которых все участники Тоцких учений не имели права хоть что-то хоть кому-то сообщать о пережитом в 1954 году, срок подписки о неразглашении истек (кстати, некоторые давали подписку на 40 лет, а то и пожизненно).

Но понадобилось еще десять лет и кардинальные перемены в стране, чтобы о войсковых учениях с применением ядерного оружия на Тоцком полигоне стало возможно говорить открыто. Прежде всего в средствах массовой информации.

.....

«Изгиб земли»

.....

В июне 1999-го охотники за цветным металлом украли колокол. Подъехали к памятнику, возле которого нет почетного караула, да и вообще никого в том месте нет, только жители деревни Маховки, и то в четырех километрах отсюда. Осмотрелись, огляделись да и сдернули тросом один из трех колоколов, висевших под стальными арками. Прихватили заодно металлические плиты, оторвав их с мясом от бетонного основания памятника. Глядишь, потянут на пару бутылок... Два других колокола не тронули: видно, спугнул кто-то. А может, и не надо им было больше. Место хотя и пустынное, степь да степь кругом, но грунтовая дорога рядом проходит. Погрузили добычу... Куда погрузили? Милиция вроде бы обнаружила рядом следы тележных колес, но это еще не доказательство, а следам автотранспорта здесь вообще несть числа — полигон, знаете ли. Словом, погрузили и повезли сдавать.

Где, в каком пункте приема цветмета было милиции искать неведомых сдатчиков и приемщика?.. Вот интересно, когда к нему, этому приемщику, привезли колокол и плиты с памятника, посмотрел он, что за надписи на них, стал ли читать? «14 сентября 1954 года здесь произведен

воздушный ядерный взрыв» — на одной, а на другой: «Зову живых, оплакиваю мертвых». Неужто приемщику действительно было все равно, что отправлять в переплавку?

Тех, кто разорил памятник, открытый в эпицентре Тоцкого атомного взрыва 14 сентября 1994 года, в день 40-летия учений, кто походя надругался над памятью жертв атомных учений, довольно скоро нашли. Это оказались молодые и с виду не безнадежные в плане умственного развития потомки тех, над чьими головами сентябрьским утром 54-го вырос чудовищный гриб. Колокол и плиты вернуть уже не удалось. Переплавили. Их к 45-летию атомного сентября заменили на менее привлекательные для скупщиков цветнины...

Вот такие выросли «наследники» у тех, кого отправили «на переплавку», отдав приказ наступать через эпицентр взрыва, у тех, кого по всей стране остались считанные сотни из сорока пяти тысяч «атомных солдат», у тех, кто видел, как горят в адском атомном пламени родные деревни.

Впрочем, поражаться таким делам в 1990-е, во времена все большего имущественного расслоения общества, не приходилось. Совесть замолкала (слава Богу, не у всех), когда у иных в доме не было денег даже на хлеб. А если государство не вспоминало и не хотело вспоминать о тех, кто живет на пропитанной радиацией земле, то у некоторых и вовсе не обремененных совестью наших земляков уважению к памятникам, поставленным властью, и взяться было неоткуда.

Осквернителей монумента в эпицентре Тоцкого взрыва, Впрочем, не стану оправдывать ни при каких обстоятель-

ствах. Надо знать, что произошло здесь в 1954 году, чтобы найти в себе силы не простить вандалов.

Давайте же вспомним, с чего начинали писать эту страницу нашей истории.

Обеспокоенные атомной активностью армии США, советские военные начали разрабатывать предложения о проведении войсковых учений с применением атомной бомбы. «Непосредственным разработчиком первых предложений был Специальный отдел Генерального штаба Вооруженных Сил СССР (В. А. Болятко, А. А. Осин, Е. Ф. Лозовой). Руководил разработкой предложений заместитель министра обороны по вооружению маршал артиллерии Н. Д. Яковлев, — откровенно сообщается в четырехтомнике “Ядерные испытания СССР”. — Первое представление предложения по учению было подписано Маршалом Советского Союза А. М. Василевским, Б. Л. Ванниковым, Е. И. Смирновым, П. М. Кругловым, другими ответственными лицами и направлено заместителю председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганину. За пять лет (1949–1953) было разработано более двадцати представлений, которые направлялись в основном Н. А. Булганину, а также Л. М. Кагановичу, Л. П. Берии, Г. М. Маленкову и В. М. Молотову».

В конце концов 29 сентября 1953 года Совет Министров СССР выдал постановление, положившее начало подготовке ученых и армии к войсковым учениям с применением атомного оружия. И весной 1954-го на Тоцком полигоне началась интенсивная и дорогостоящая, судя по масштабам, подготовка: прокладывались грейдерные дороги, возводились дома для офицерского состава, в удаленных

от полигона местах строились другие дома — как позже выяснилось, для местных жителей. Именно в те дни, когда зашел разговор об отселении людей из их родных Елшанки, Березовки, Пьяновки, Маховки, Орловки, стало ясно, что учения предполагаются весьма крупные.

По словам **Григория Сидоровича Якименко**, полковника в отставке, а в 54-м — начальника оперативного отделения соединения, атомные учения были назначены на 1 сентября 1954 года, но из-за непогоды перенесены на две недели. Согласно разным источникам, в них принимало участие от 40 000 до 45 000 человек. Командовал учениями Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков. Целью учений, как отметил в 1990 году в интервью «Известиям» тогдашний начальник управления Генштаба Вооруженных сил СССР генерал-полковник **В. В. Коробушин**, была отработка инструкций «по вопросам ведения боевых действий в условиях его (атомного оружия. — **В. М.**) применения и способы защиты от его поражающего воздействия»: «Без учений с максимальным приближением к боевой обстановке нельзя было быть полностью уверенными в достоверности и эффективности рекомендаций военной науки.

Немаловажную роль сыграло и стремление не отстать в подготовке войск от армии США... Всем участникам разъяснили: проведение такого учения — вынужденная, но необходимая мера, что его повторение исключается и надо подготовиться так, чтобы сразу извлечь наибольшую пользу для обороны страны. И прежде всего, в вопросах боевого применения родов войск, обеспечения против атомной защиты личного состава, его психологической

устойчивости при атомном взрыве... Самое серьезное внимание уделялось отработке действий личного состава как в момент взрыва, так и при преодолении зараженных радиоактивными веществами участков местности».

Мне довелось за тридцать пять лет, что занимаюсь темой Тоцких учений, побеседовать с очень многими участниками и очевидцами событий того памятного дня — от генерал-полковника А. М. Макашова (в 1954 году — курсанта военного училища, а в 1989-м — командующего войсками Приволжско-Уральского военного округа) до председателя Комитета ветеранов подразделений особого риска Российской Федерации В. Я. Бенцианова. Первый — сторонник мнения, что в Советском Союзе все делалось правильно и учения под Тоцким были необходимы. Второй создал, будучи практически слепым, действенную структуру для поддержки таких же, как он сам, «атомных солдат».

Но была у меня в 1989 году в райцентре Тоцкое встреча с человеком, который, хотя и не осуждая, но, уж конечно, и не одобряя случившегося на его земле, сумел простым крестьянским языком передать леденящий ужас того жаркого, солнечного дня. Это Федор Илларионович Колесов, ныне уже покойный. Он был человеком знаменитым: в 1930-е — стахановец сельского хозяйства, член комиссии по выработке Конституции СССР 1936 года, сталинской; перед Великой Отечественной войной на короткий срок его даже «бросили» руководить облисполкомом, поскольку перестреляли и пересажали всю верхушку области. Вот что рассказал мне 14 октября 1989 года под запись в блокноте, почти дословную (человек пожилой, говорил он медленно, и я успевал записывать), занимавший в 1954 году пост

председателя Тощкого райисполкома, обласканный властью и не обойденный славой **Федор Илларионович Колесов:**

— Я у военных, кто это готовил, спрашивал: «Почему не в песках взорвать, мало ли у нас песков?» А они говорят: «Нам надо знать, как здесь будет, тут такой же изгиб земли, как в Германии. И населено так же...»

Что ж, как говорится, это многое объясняет. Действительно, с 1946 года и до самого исчезновения СССР с карты мира именно Германия — ФРГ и ГДР — считалась стратегией НАТО и Варшавского договора наиболее вероятным театром военных действий Третьей мировой войны. И без ядерного оружия ее сражений не представлял никто. Но разве это значит, что надо было устраивать атомную войну мирным жителям русских, мордовских, татарских, башкирских и немецких сел Оренбуржья? Вопрос повисает в воздухе вот уже седьмое десятилетие. Не нашелся еще ни один храбрец, облеченный властью — гражданской или военной, — который бы взял на себя смелость публично заявить: «Да, в 54-м все было сделано верно!» Даже от победителя в сражении при Московской мэрии 1993 года генерала Альберта Макашова я таких заявлений не слышал. Содержатся они разве что в книжке отставного полковника Кривого. Но о ней разговор особый. А пока давайте вернемся к воспоминаниям **Ф. И. Колесова.**

— Это готовилось долго, — рассказывал Федор Илларионович. — Здесь все время находился заместитель председателя облисполкома Быстров, приехали военные из Москвы. Нас известили заранее — за месяц я узнал. Автобусы и машины новые появились тут, чтобы в случае чего увезти людей из райцентра. От меня требовали,

чтоб заранее никого никуда не вывозить. Некоторые села вывезли, а про другие мне сказали: «Завтра будут бомбу бросать, никого не отпускать, лошадей не давать, активу запретить семьи вывозить». Я еще просил поселок Ключевской вывезти. «Нет, — говорят, — там Самарка, вы их под берег спрячьте, а скотину по лесу пустите». Весь лес был забит госпиталями, на 5-м разъезде и на станции стояли санитарные поезда — в случае выхватить людей... Для начальства вышку сделали на Петровской Шишке (возвышенность не более чем в десяти километрах от эпицентра. — В. М.). Все военные там смотрели, и этот, тогда был главный по атому, Курчатов. Никто из них, по-моему, не знал, что может быть. А может, и знали. Да ведь они сами все на вышке стояли, на них тоже попало...

Еще позже, когда окрестные деревни, население которых не подлежало эвакуации, были разбиты на так называемые десятидворки и к каждой приставлен один военный (солдат или сержант) и один активист — партийный, советский работник из местных, людям стали объяснять, что во время учений ожидается сильный взрыв. Только один из местных жителей — очевидцев взрыва, Н.Б. Курапов, вспомнил, когда именно впервые было произнесено слово «атомный». Но жаркий день 14 сентября врезался в память каждому и разделил жизнь людей окрестных сел, деревень, поселков и городов на время «до атома» и «после атома».

5 декабря 1991 года тоцкая районная газета «Авангард» опубликовала воспоминания местной жительницы, пенсионерки, бывшей учительницы **В.К. Плюско:**

— Уже с весны шла подготовка к учениям. Летом прибыло огромное количество воинских частей, которые заняли окрестности на десятки километров. К месту испытания свозили технику и животных. Готовились долго... Время испытания откладывалось. Нужна была определенная метеосводка. С населением велась подготовительная работа. По десятидворкам офицерами проводились разъяснительные беседы. Сигналом тревоги была сирена. В обязательном порядке из военного городка (ныне Тоцкое-2. — В. М.) в Сорочинск должны были выехать семьи с детьми. Остальным по желанию можно было остаться, но подготовить укрытие — щель. Место было указано — в лесу у реки Самары. Здесь же размещалась воинская часть, ведущая наблюдение за рекой.

Ивану Емельяновичу Кушайкову в 1989 году, когда мы с ним встретились впервые, было семь десятков лет, а в памятном 54-м — вдвое меньше, и служил он, старшина-сверхсрочник, заведующим складом гарнизонной пекарни. Вот что рассказал о подготовке к учениям Иван Емельянович:

— Из Москвы приехали руководить работами. Собирали финские (то есть сборные. — В. М.) домики для офицеров, прокладывали грейдерные дороги. Эвакуировали жителей близлежащих сел — Маховки, Пьяновки, Орловки, Березовки... Эвакуированным строили дома где-то под Бузулуком.

Одна из эвакуированных — Мария Кузьминична Щевелева. Ей в 54-м было совсем немного лет, но события 14 сентября и все случившееся после навсегда отпечатались в ее памяти. Родом она из Елшанки Второй, правда, сама

написала об этом так: «Во время взрыва сгорели полностью Тащиловка, Орловка и часть Елшанки. После снова застроились, слились, и осталось село Елшанка Вторая... Я из семьи Федоровых». Ярко и подробно, как это чаще всего и бывает у детей, запомнила те события **М. К. Щевелева**:

— Незадолго до событий жителей села предупредили о том, чтобы с полей и огородов убрали овощи и хорошо закупорили в погреба и ямы. Затем пригнали солдат и машины военные, чтобы разом увезти домашний скarb и хозяйство, — очень много народу и машин. В селе стоял стон, плач, мама и бабушка плакали с причитаниями. Папа в армии служил почти восемь лет: отслужив действительную, с первых дней попал на войну и пришел в декабре 1945 года. Бабушкин приемный сын — надежда и опора — пропал без вести на войне, оставив двоих детей и жену молодую... Нас вывезли (все село сразу!) в Каменную Сарму (около 20 километров на запад от Елшанки Второй. — **В. М.**), разместили по квартирам. Хозяева были очень добрые и отзывчивые люди...

А как же поступили с теми, кого эвакуировать не собирались? Те самые активисты, за которыми закрепили по десять дворов, объясняли людям (как незадолго до этого разъяснили им самим), что в день взрыва надо будет открыть все окна и двери, печные заслонки, снять со стен портреты, картины и прочее. Приказывали заранее выкопать траншеи, перекрыть их досками, сверху засыпать землей и обложить ботвой. Но такие советы давали не всем. Например, в райцентре Тоцкое, находящемся в 13 километрах от эпицентра, некоторым жителям велели просто выйти на улицу, лечь на землю, но не смотреть

на взрыв. Не косвенное ли это свидетельство того, что организаторы учений хотели получить самые разнообразные сведения о влиянии на человека поражающих факторов ядерного оружия?

Лишь много лет спустя стало известно, почему с местными жителями поступали по-разному. Как сообщает интернет-сайт «Испытания ядерного оружия», «для проведения мероприятий по обеспечению безопасности населения район учения в радиусе до 50 км от места взрыва был разбит на пять зон: зона 1 (запретная зона) — до 8 км от центра взрыва; зона 2 — от 8 до 12 км; зона 3 — от 12 до 15 км; зона 4 — от 15 до 50 км (в секторе 300-0-110 градусов) и зона 5, расположенная к северу от цели по боевому курсу самолета-носителя в полосе шириной 10 км и глубиной 20 км, над которой пролет самолета-носителя осуществлялся с открытым бомболюком.

Зона 1 полностью освобождалась от местного населения. Жители населенных пунктов, а также скот, фураж и все движимое имущество вывозились в другие населенные пункты, расположенные не ближе 15 км от центра атомного взрыва.

В зоне 2 за три часа до атомного взрыва население отводилось в естественные укрытия (овраги, балки), расположенные вблизи населенных пунктов; за 10 минут по установленному сигналу все жители должны были лечь на землю лицом вниз. Общественный и личный скот был заблаговременно отогнан в безопасные районы.

В зоне 3 за час до взрыва население выводилось из домов на приусадебные участки на удалении 15–30 метров от строе-

ний; за 10 минут до взрыва по сигналу все ложились на землю.

В зоне 4 предусматривалась защита населения только от возможного сильного радиоактивного заражения местности по пути движения облака, главным образом в случае наземного взрыва. За два часа до атомного взрыва население этой зоны было укрыто в домах в готовности к эвакуации в случае сильного заражения.

Население зоны 5 было вывезено за ее пределы в безопасные районы за 3 часа до взрыва. Скот был отогнан или укрыт в сараях».

Пожалуй, самые четкие и подробные воспоминания о сентябре 54-го сохранились у жителя Тоцкого-2 **Николая Борисовича Курапова**, неутомимого краеведа, учителя истории, участника Великой Отечественной войны, офицера, попавшего под первое хрущевское сокращение армии. Он много лет собирал материалы о Тоцком взрыве. Мы познакомились в октябре 1989-го, и Николай Борисович рассказал, что уже после учений 1954 года он проходил переподготовку на курсах «Выстрел»:

— Нам показывали там почти каждый день фильмы о боях с атомным оружием. И показали столько, что мы спать перестали. А основа этих фильмов — отсюда...

Вот записанный самарским журналистом А. Жоголевым в 1990 году рассказ **Н. Б. Курапова**:

— А войск-то здесь было!.. В каждом лесочке притаились, в каждой ложиночке... Еще в мае эшелоны начали прибывать. Мы думали, большие учения будут, не беспокоились. Ну а когда над селом стал летать самолет

и сбрасывать что ни день на поле тренировочные бомбы-болванки, тогда уже пошел по селу шепоток. А в середине августа впервые прозвучало: «Атомная бомба!»

.....

Соппротивление материала

В самый первый раз в эпицентре Тоцкого атомного взрыва мне, тогда уже замредактора областной молодежной газеты «Комсомольское племя» (в апреле 1990 года переименованной нами по предложению читателей в «Новое поколение»), довелось побывать летом 1988-го вместе со вторыми секретарями горкомов и райкомов КПСС и заместителями председателей гор- и райисполкомов. Их привезли в Тоцкое-2 как бы на экскурсию в войска. Одним из ее пунктов было краткое, даже очень краткое — минут на пятнадцать — посещение эпицентра.

Помню то странное чувство — не страха, не опасности, а почему-то покоя и умиротворенности, возникшее, как только я сделал несколько шагов в сторону от людей, от автобуса, на котором мы приехали. На первый взгляд, эпицентр тогда почти ничем не отличался от любого другого уголка нашей степной области: долинка внутри подковообразной гряды холмов, поросшая жиденькой, чахлой травой. Да он и сейчас такой же. Кое-где можно было найти ту самую корку — под воздействием огромной температуры оплавившийся до состояния грубого, мутно-серого стекла грунт. Кусок такого «стекла» долго лежал у меня в кабинете в газете «Оренбуржье».

В середине долины было тогда небольшое озерцо, не пересыхавшее даже в июльскую жару. Наверное, питалось небольшим родничком. Местные жители рассказывали, что родников тут было много, но взрывом почву сдавило, и водоносные пласты ушли. Впрочем, сейчас нет и того озера.

Здесь увидишь лишь отдельные деревца, а до взрыва тут росла целая дубовая роща — она испарилась без остатка за секунду. Через эпицентр проходит мягкопыльная дорога из Тоцкого-2 в Маховку. По всей территории эпицентра «квадратно-гнездовым» способом расставлена была старая боевая техника — танки, самолеты, автомобили. Тут много лет был бомбодром, летчики тренировались в стрельбе и бомбометании. Потому-то все свезенные сюда списанные МиГи были разбиты в лохмотья, а у танков свернуты башни. Полное ощущение у меня было тогда, что атомная бомба взорвалась не десятки лет назад, а на прошлой неделе. Впрочем, летом 2010-го, когда я приехал в эпицентр в очередной раз, всю эту технику-мишени уже убрали...

И еще тогда, в 1988 году, мне запомнилось, что в эпицентре стояло сразу два памятника. Один более старый — кирпичный побеленный куб со сквозным отверстием, расширявшимся раструбами на две его стороны (говорят, в середине этой дыры, за красным стеклом, должна была гореть лампочка, изображающая ядерный взрыв, но я этой красотищи уже не застал), а другой поновее — простая бетонная плита с надписью: «14 сентября 1954 г. впервые было проведено войсковое учение с применением ядерного оружия. Учением руко-

водил Маршал Советского Союза Г. К. Жуков (эпицентр взрыва)». Сопровождавший нас офицер сказал, что чуть ли не каждый новый командующий 27-й гвардейской мотострелковой дивизии, дислоцировавшейся в Тоцком-2, непременно строил свой памятник взрыву. Это очень точно было сказано: именно горделивые памятники атомному взрыву возводились на полигоне до 1994 года. И только в день 40-летия учений в эпицентре наконец-то зазвучали на сентябрьском ветру колокола памяти и скорби о людях, ставших участниками репетиции апокалипсиса.

А тогда, в 88-м, я решил, что рано или поздно напишу про Тоцкий взрыв и про тех, кто его пережил. К тому времени цензура в стране постепенно ослабляла волчью хватку (мы в молодежи уже пробили ранее запретную тему войны в Афганистане, подбирались к вычеркнутым из истории именам русских царей, атамана Дутова, а еще — Бухарина, Троцкого и прочих «детей Революции», которых она же и пожрала), но все-таки была еще сильна. И когда именно можно будет раскрыть самую большую тайну Оренбуржья, мне пока было неведомо.

.....

Поверить бомбой все, что есть у армии

.....

— В начале июня 1954 года на стадионе в Брестской крепости был выстроен личный состав нашей 348-й Корсунь-Шевченковской отдельной артиллерийской бригады, — вспоминает **Владимир Яковлевич Бенцианов**, в 1954-м — лейтенант, с 1990 года — руководитель Комитета ветеранов подразделений особого риска — «атомных солдат», в 2014 году ушедший в мир иной. — По команде каждый снял свой головной убор и обнажил наголо побритую голову. После этого построения буквально в течение суток весь личный состав бригады был экипирован по военным нормам — выдали оружие, боеприпасы, снаряжение, сухой паек — и вечером того же дня бригада двинулась на восток. Трудно передать, как в то время встречало военных население станций и городов, где останавливался воинский эшелон. К вагонам выносили вареную картошку, сметану, помидоры, огурцы, женщины почему-то плакали и говорили: «Родимые, наверное, в Китай воевать едете?» Слишком сильна была память о недавней войне, и люди никак не могли понять, почему такое большое количество военных, эшелон за эшелон, следует на восток...

Летом 1954 года подготовка к учениям шла на Тоцком полигоне и в его окрестностях полным ходом. Прежде всего надо было убедиться, что на территории полигона, где десятилетиями постоянно проводились различные стрельбы, учебные занятия с саперами, не осталось неразорвавшихся мин и снарядов. Для этого, как уверяют очевидцы, было проведено сплошное разминирование.

Летчики, которым было поручено в день «Д» сбросить атомную бомбу, проводили учебное бомбометание с самолета Ту-4. По свидетельству генерал-лейтенанта **С. А. Зеленцова**, «на местности в точке сбрасывания бомбы не было заметного ориентира, поэтому была специально оборудована точка прицеливания в виде квадрата, ограниченного белой каймой. В центре квадрата нанесен белый крест (размером 100 × 100 м), а по боевому курсу — углы из белых полос» (цитирую по книге «Отдаленные эколого-генетические последствия радиационных инцидентов: Тоцкий ядерный взрыв»). Местные жители вспоминают, что после учебного бомбометания в районе будущего эпицентра военные несколько раз имитировали взрыв — поджигали бочки с мазутом.

В Лагерях, как тогда называли военный поселок Тоцкое-2 с прилегающим полигоном, на 42 километра раскинулись палатки, в которых жили солдаты и офицеры — участники будущих атомных учений, уже разделенные по замыслу командования на «Западных» и «Восточных». Хотя правильнее было бы сказать, что в эти палатки они приходили перед отбоем после трудного дня работ и учебных занятий. Кстати, в роли «Восточных» выступали войска Белорусского военного округа — то есть именно те солдаты и офицеры,

которые, случись Третья мировая война, оказались бы на ее передовых позициях в Центральной и Западной Европе. «Западных» сыграли хозяева полигона — войска Южно-Уральского военного округа.

Согласно разработанной руководителями учений во главе с маршалом Г.К. Жуковым программе подготовки, обучение войск велось сорок пять дней.

Говорит **В.Я. Бенцианов**:

— Была жара. Мы рыли аппарели глубиной шесть метров. Мы уже знали, что готовимся к атомным учениям. Месяцами ходили в противогазах, даже спали в них, только на время еды снимали. За хлебный мякиш под маской, чтобы было легче дышать, — два наряда вне очереди, за отвернутую трубку — двое суток ареста. Клянусь, никто не получил этих наказаний.

О том, что лето 54-го выдалось жарким во всех отношениях, вспоминает и уже знакомый нам полковник в отставке **Г.С. Якименко**:

— Солнце палило нещадно. Были вспышки дизентерии. А работы оставался непочатый край. Только одна «оборона» (то есть «Западные», по замыслу учений, — именно обороняющаяся сторона. — **В. М.**) прорыла более 200 километров окопов, ходов сообщения. Причем разного профиля: в полный рост, по грудь... Цель — проверка на прочность всех видов укрытий.

«Восточные» не отстали в объеме фортификационных работ от «Западных», а по числу построенных подбрустверных блиндажей, окопов для артиллерии и минометов, окопов и укреплений для танков и самоходных артиллерийских установок даже превзошли их. Как пишет в своей

книге «Атомный гриб над Тощим полигоном» полковник в отставке **И.И. Кривой**, «одежду крутостей траншей и ходов сообщений делали из самых различных подручных средств, заранее заготовленных конструкций и промышленных материалов (жерди, плетни, хворост, камыш, доски, бревна, гофрированное железо, бетонные плиты и специальные конструкции)». Иначе говоря, ядерный взрыв должен был показать, какие стройматериалы следует использовать армии в предполагаемой атомной войне, а от каких надо отказаться.

Тот же **И.И. Кривой** отмечает:

— Очень большие инженерные работы проводились в районе эпицентра атомного удара «Баня», но не ближе 300 метров от отметки 195.1 (место сброса бомбы, тот самый белый крест в квадрате. — **В. М.**), а также в районах «Ствол» (гора Каланчевая) и «Крыло» (высота Лысая), по которым планировался массированный удар артиллерии и авиации.

Для обеспечения выполнения задач, которые руководители учений ставили перед офицерами и солдатами нападавших «Восточных» и оборонявшихся «Западных», обеим сторонам было придано 600 танков и самоходных артиллерийских установок, 500 орудий и минометов, 600 бронетранспортеров, 320 самолетов, 6000 тягачей и автомобилей. Но не вся эта техника предназначалась для людей. Кое-где вместо экипажа оказывались домашние животные, а некоторые очевидцы уверяют, будто видели даже обезьян за рычагами боевых машин. Весь этот атомный ковчег был необходим для той же цели — поверить бомбой то, что есть у армии: технику, инженерные сооружения

и, конечно, определить степень воздействия поражающих факторов ядерного оружия на живые организмы.

Ф. И. Колесов:

— Тут тогда столько разного барахла навезли — автобусы, орудия, танки. Привязывали к ним что-то живое, скотину какую. Или собаку поймают, закроют. В Лагерь как заезжаешь, где военторг сейчас, орудие стояло, телок был привязан, дальше — козы.

И. И. Кривой:

— В батальонных районах обороны «Баня», «Ствол» и «Крыло» были выставлены чучела (манекены. — В. М.) личного состава войск, обмундированные и вооруженные по действующему Внутреннему уставу по штатам этих батальонов. Обмундирование и снаряжение были последних образцов... Кстати, весь личный состав войск, принимавших участие в Тоцких тактических учениях, был также одет в новую форму одежды и обеспечен снаряжением вплоть до спальных мешков и плащ-накидок для офицерского состава.

Об этом же говорит в своих воспоминаниях **В. Я. Бенцианов:**

— По приезде всем выдали совершенно новое обмундирование и снаряжение, которое затем заменялось трижды, в том числе обувь, ремни и портупеи, кожаные полевые сумки. С первых дней было налажено прекрасное по тем временам питание. В ежедневный рацион входили сгущенка, большие порции мяса, фрукты, арбузы и шоколад. Занятия по боевой подготовке велись так, как будто все готовились к войне. В руках было оружие, на поясе или в подсумках — боеприпасы, за плечами — вещевые

мешки со всем необходимым. Здесь же — фляжка и саперная лопатка. Наставления, касающиеся действия войск в условиях ядерного удара, были секретными, конспектов не вели, все надо было запомнить, а затем использовать в практике учебного боя...

Совершенно ясно, что учения под Тоцким проводились для упреждения возможных действий американцев. Мир в 1950-е годы погрузился в ледяное оцепенение холодной войны. Понятны в этом историческом контексте весьма красноречивые наименования, выбранные для обозначения условных противников, и, соответственно, их предполагаемые действия в ходе ядерного конфликта: «Восточные» взрывают над второй позицией полосы обороны «Западных» (где людей, конечно, не было) атомную бомбу, затем проводят артподготовку, наносят авиационно-бомбовый удар обычными боеприпасами и начинают атаковать позиции «Западных». Естественно, «Западные» пытаются контратаковать теми силами, что у них еще остались, но «Восточные» отражают контратаки и завершают прорыв главной полосы обороны противника. «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись» — написал Редьярд Киплинг. Но если бы уж было нам суждено сойтись в атомной войне и если наш потенциальный противник называл себя Западным миром, значит, мы — Восточные и должны победить.

Эту победу советской военной мощи над «Западом», хотя бы и условным, руководство СССР решило продемонстрировать всем своим союзникам. Поэтому для наблюдения за учениями на Тоцкий полигон прибыли не только министр обороны СССР Н. А. Булганин, «отец» советской атомной бомбы физик И. В. Курчатов, министр среднего

машиностроения В. А. Малышев, но и министры обороны, представители военно-политического руководства всех стран «народной демократии», в том числе Китая. Очевидцам особенно запомнились министр национальной обороны Польши маршал (одновременно советский и польский) К. К. Рокоссовский и министр обороны Китайской Народной Республики Пэн Дэхуай.

Для гостей из стран соцсодружества и чиновников Министерства обороны СССР построили жилой городок в урочище Дурной Гай на правом берегу Самары, недалеко от впадения в нее реки Сорочки, — километрах в 18 от эпицентра. А вот министр обороны Н. А. Булганин, советское партийно-правительственное руководство и маршалы Советского Союза А. М. Василевский, И. С. Конев, Р. Я. Малиновский расположились на станции Тоцкой в трех специальных пассажирских составах. Булганин и Курчатов прибыли в Тоцкое вместе с первым секретарем ЦК КПСС Н. С. Хрущевым лишь за день до учений.

По свидетельству подполковника **Н. В. Даниленко**, Никита Сергеевич со свитой ходил по передней линии войск, представлял офицерам и солдатам академика И. В. Курчатова, а тот разъяснял, что за бомба будет взорвана, и «гарантировал безопасность для всех участников». Об этом вспоминает и **Г. С. Якименко**:

— Личному составу объяснили боевую задачу, старались все сделать для того, чтобы обошлось без человеческих жертв. Солдаты не подвели. Не было паники, дезертирства. Не растерялись и офицеры. Ну, правда, были и те, кто «закосить» пытался — в отпуск просился, вспоминал про больную родню. Но случаи единичные, по пальцам могу

перечесать. Страха перед бомбой не было. Лишь неизвестность томила, ведь ничего же мы не знали о ее характере! У всех в глазах стоял немой вопрос: «Как эта чертова бомба себя поведет?» К счастью, приехал Курчатов. Я хорошо его помню — чернобородого, в синем элегантном костюме без орденов. Отвечал на наши вопросы. К нему, как к «автору», было их множество...

К тому времени, как отмечает генерал-полковник **В. В. Коробушин**, вокруг будущего эпицентра уже была установлена запретная зона радиусом восемь километров:

— За пять суток до начала учений все войска были выведены из запретной зоны. По периметру ее выставили охранение. С этого момента и в течение первых трех суток после взрыва допуск туда производился только через контрольно-пропускной пункт по специальным пропускам и жетонам. В приказе Г. Жукова говорилось: «В день учения с 5:00 до 9:00 запретить движение одиночных лиц и автомашин. Передвижение разрешить только в составе команд с ответственными офицерами. С 9:00 и до 11:00 всякое движение запретить... Вывод войск за пределы запретной зоны закончить к исходу 9 сентября и письменно донести мне. Все подготовленные укрытия и убежища, а также готовность средств связи к приему и передаче сигналов проверить специальными комиссиями и результаты оформить актами...»

Наконец настал вечер 13 сентября. В расположении войск прозвучала команда «отбой». Над опустевшими окрестными селами, жителей которых отправили под Бузулук, только сверчки перекликались мелкими трещотками. А немного подальше от той точки, которая завтра утром

станет эпицентром, подоив коров, поужинав, укладывались спать мирные люди, большинство из которых никогда не видело войны. Они не знали, что именно завтра совсем недалеко от их дома случится маленькая атомная война с непредсказуемыми последствиями.

.....

Сопротивление материала

Во второй раз я приехал в Тоцкий район в октябре 1989 года с целью вполне определенной — собрать свидетельства местных жителей об учениях 1954 года. Да, цензура их не пропустит, но ведь она не вечна... Несмотря на середину осени, погода стояла теплая, а в полдень так даже припекало, словно летом. «Вот такая же погода была в день взрыва», — вспоминали свидетели атомных учений, с которыми я встречался и в райцентре Тоцкое, и в военном городке Тоцкое-2.

Не сумел я заранее, до отъезда, созвониться с капитаном Абдулиным, тогдашним главным комсомольцем 27-й гвардейской мотострелковой дивизии. Это делалось через телефон оренбургской комендатуры, которая не спешила соединять гражданских, хотя бы и журналистов областной молодежи, с «Огоньком» (такой позывной был у дивизии). Поезд пришел на станцию Тоцкую к вечеру, и я, недолго думая, здесь же, возле покрашенного серебрянкой бюста Ленина на площади у вокзала, сел в автобус ЛАЗ, ехавший в военный городок. Там была гостиница КЭЧ, в которой я рассчитывал переночевать.

Конечно, автобус остановили возле контрольно-пропускного пункта при въезде в Тоцкое-2. Сейчас будут проверять документы, меня могут ссадить и отправить куда подальше. Но я к тому времени уже отслужил в армии и потому ясно видел, что проверять у пассажиров пропуска и паспорта со штампами о прописке в Тоцком-2 подтянутые и молодцеватые солдаты-«деды» отправили худосочного, «затянутого» (застегнутого на все крючки и пуговицы, с перетянутой ремнем осиной талией) «молодого». Да еще на ногах у него — теплой осенью — были валенки! Когда парень, который, судя по его виду, боялся собственной тени, проходил по автобусу мимо меня, я показал ему красные корочки редакционного удостоверения «Комсомольского племени». Он едва взглянул на них...

Так я беспрепятственно попал в военный городок, поселился в военной гостинице, выспался, а наутро встретился с капитаном Абдулиным и с теми жившими в Тоцком-2 и в райцентре очевидцами атомного взрыва, которых знал сам и которых мне порекомендовал комсомольский вожак. Их фамилии часто появляются на страницах этой книги: Н. Б. Курапов, И. Е. Кушайков, Ф. И. Колесов... Тогда и собрал материалы, которые легли в основу первых публикаций о Тоцком атомном взрыве, в которых все было названо своими именами: люди, местность, события.

В стране набирала обороты гласность, и каждая, даже самая закрытая структура, включая армию, была вынуждена если не распахнуть ворота настезь, то хотя бы форточку приоткрыть.

.....